

УДК 811.512.111
ББК 81.2

ОГУБЛЕННЫЕ ‘Ы’ И ‘И’ В НИЗОВЫХ ГОВОРАХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

А. В. Савельев

В 2012 г. автор данной статьи обследовал фонетику чувашских говоров низового типа, распространенных в двух населенных пунктах Нурлатского района Татарстана — в деревне Абыркино и в селе Тюрясево. Роспись материала, собранного по фонетической программе О. А. Мудрака (около 1300 основ), позволила выявить в местных говорах ряд особенностей, которые ранее не отмечались в чувашской диалектологии. В частности, было обнаружено синхронно немотивированное, но мотивированное этимологически различие гласных *и* ~ *υ* верхнего подъема (на месте пратюркского **a*) и *ϕ* ~ *ω* верхне-среднего подъема (на месте пратюркских огубленных), а также наличие в указанных говорах огубленных редуцированных типа *ь*° и *э*°, которые считаются типичными только для верхового диалекта [Савельев 2013б].

Одним из неожиданных для чувашской диалектологии результатов исследования стало обнаружение в абыркинском и тюрясевском говорах низового диалекта огубленных гласных на месте орфографических ‘ы’ и ‘и’. В заднем сингармоническом ряду они реализуются как *ы*° / *и*° / *у*°, в переднем ряду — как *ĩ*° / *и*° / *у*° / *ϕ* с палатализацией предшествующего согласного (диалектный материал приводится в фонетической транскрипции, где *ĩ* — гласный передне-среднего ряда верхнего подъема; подробнее см. табл. в конце статьи). В этих случаях огубленность артикулируется обычно не столько вытягиванием губ, сколько опусканием щек, при этом появляется ощутимый на слух ‘бемольный’ элемент. Так как лабиализация носит не ярко выраженный характер (*slight labialization*), данные гласные не совпадают с действительно огубленными *и* и *й*.

Как показано ниже, огубленные ‘ы’ и ‘и’ имеют разный фонологический статус в абыркинском и тюрясевском говорах.

Абыркинская система носит более архаичный характер, так как в ней эти гласные (по крайней мере, в части случаев — в соответствии с законами развития старой системы) отражают пратюркские фонетические реалии. В Тюрясево, наоборот, произошла перестройка системы, при которой распределение огубленных и неогубленных вариантов оказалось связано с консонантным контекстом на синхронном уровне.

1. Ситуация в абыркинском говоре

1.1 Огубленный ‘ы’

1.1.1 В абыркинском говоре слабо огубленный ‘ы’ (далее *ы*°) с вариантами часто появляется на месте пратюркского огубленного **ā*, который восстанавливается на основе соответствия станд.-тюрк. *a* ~ чув. *ı* [ы] ~ тув., тоф. *ı*. При этом в анлаутной позиции в тувинском и тофаларском не произошел переход в *ı*, то есть пратюркские **ā* и **a* совпали в начале слова в *a*-. В якутском **ā* соответствует обычно *a*, как вариант присутствует *o*. Во внешних алтайских соответствиях при **ā*, как правило, представлены огубленные гласные.

По своим рефлексам ПТ **ā* отличается от закрытого **a*, восстанавливаемого на базе соответствия станд.-тюрк. *a* ~ чув. *ı* ~ як. *ı*. В большинстве чувашских говоров **ā* дает следующие рефлексy: в инлауте *ı* [ы], но сокращение в *ь*° перед носовым и переход в *и* перед **l*, **rt*, **rd* (здесь развитие как для старого **o*); в анлауте *ы*-, но *vy*- перед аффрикатой (или просто шумным?) и сокращение в *ь*° перед носовым (те же аналогии с развитием **ō*). Подробнее о реконструкции ПТ **ā* см. [Мудрак 1993: 102–105; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2002: 677–679; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2006: 208–211].

Материал абыркинского говора позволяет подтвердить приведенную реконструк-

цию и уточнить природу ‘литературного ы’ в чувашском, которая оставалась неясной из-за нехватки материалов по сибирским языкам. Как показывает роспись, ПТ **ä* даже в нейтральной позиции дает здесь огубленный рефлекс вида *ы*^о. Тем самым подтверждается реконструкция именно огубленного гласного на пратюркском уровне. Ср. отражения в абрыскинском говоре ПТ **a* и **ä*.

Рефлексы ПТ **a* (и аналогичные отражения *a* в усвоенных заимствованиях, отражаемого как *ε* в других тюркских языках):

абр. *jisna* ‘зять’, *myskara* ‘комедия’ (< араб.), *syzat* 3sg. ‘испражняться’, *suyla* ‘охранять’, *sylyx* ‘грех’, *-zyn* ‘человек’, *sybyrs* ‘липнуть’, *syrlax* ‘удовлетвориться’, *syry* ‘каштановый’, *sydar* ‘подушка’, *t’iya*, *t’iy’i* 3sg. ‘жеребенок’, *tylan* p.part. ‘отбивать’, *tyna* ‘телка’, *tyr’ä* ‘хлеба’, *ыlyan* ‘проклинать’, *ыltyn* ‘золото’, *ырь* ‘добрый’, *uytini* p.part. nom., *uyt* ‘спросить’, *si’ly’i* 3sg. ‘грива’, *il, an’-il* neg. imp. ‘братъ’, *ir’i* ‘перебирать ягоды’ (последние три основы — со вторичным переходом в передний ряд).

Рефлексы **ä*:

абр. *puırzä* ‘кишка’, *jyppuırzi* ~ *jypp’örzi* 3sg. ‘вьюнок’ (букв. ‘собачья кишка’), *-zürät* 3sg. ‘писать’, *vuz’b* ‘голодный’, *xuırsä* conv. ‘разгораться’, *xuırm* ‘живот’, *ы’rä* ‘паз’, *ы’radät* 3sg. ‘болеть’, *ur’i* 3sg. ‘молозиво’, *ы’v’b* ~ *ıv’b* ‘горсть’, *ы’tlä* ~ *ıtlä* ‘слишком’.

Из-за ограниченности материала ранее было не ясно, что нужно восстанавливать в следующих словах — **a* или **ä*, но абрыскинские данные указывают на реконструкцию огубленного: абр. *zurn* p.part. ‘обуться’, *suırzä* conv. ‘роиться’, *ы’daläsä* 3pl., *ıdalani* p.part. nom. ‘обниматься’.

Ср. рефлексы **ä* в позициях перед носовыми, **l*, **rt* и **rd*, которые отражают огубленность не только в абрыскинском, но и в других чувашских говорах как низового, так и верхового типа: абр. *x’mt’š* ‘камыш’, *’nn’è* 3sg. dat. ‘сознание’, *’sulät* ~ *’svlät* 3sg. ‘лизать’, *xol’m* ‘выкуп за невесту’, *xol’m* ‘толстый’, *’svrdä* ‘свеча’, *’tvrdät* 3sg. ‘тянуть’.

1.1.2 В нескольких случаях на месте ПТ **ä* в абрыскинском говоре представлены неогубленные рефлексы:

абр. *’süzäm* ‘молния’ (со вторичным переходом в передний ряд), *’suv’x* ‘близкий’, *-zyp’i* 3sg. ‘сустав’.

По всей видимости, делабиализация рефлекса ПТ **ä* происходила в позиции между двумя *ś*, также имела место некая нейтрализация перед следующим губным согласным. Кроме того, неогубленный рефлекс отмечается в абр. *xыр-* ‘скоблить’, где ожидалось бы отражение ПТ **ä* (ср. тув. *xir-*, монг. *kawra-* id.). Этот случай можно объяснить тем, что в речи информанта перекрестно перепутались рефлексы ПТ **a* в *xuırb* ‘сосна’ (см. ниже) и ПТ **ä* в *xыр-* ‘скоблить’. Вместе с тем, форма *xыр-* свидетельствует о постепенной утере различия *ы*^о и *ы* в абрыскинском, которая затронула пока только часть основ.

1.1.3 С другой стороны, есть примеры, когда огубленные рефлексы представлены в абрыскинском на месте **a*:

абр. *puızäk* ‘большой’ (< осет. *bæz-* ‘толстый’ в *bæz-gyn*, см. [Абаев 1958: 257]), *sy’v’l* ~ *sy’v’l*, *sy’v’b* ‘здоровый’, *ty’mär* ‘корень’, *xy’bärzäm* pl. ‘весть’ (< араб.), *x’ir’äs* ‘напротив’, *xuırb* ‘сосна’, *xuızi* ~ *xyızi* 3sg. ‘пах’, *xuız-* ~ *xyıs-* ‘чесать’, *xy’d’b* ‘твердый’, *ıv’btini* p.part. nom. ‘кидать, бросать’, *xuısnä* ‘казна’ (< араб.).

Хорошо видно, что огубленность во всех приведенных примерах связана с влиянием консонантного контекста. В одних случаях лабиализация происходит в позиции перед *-v-* и *-m-*, в других — после *p-* и *x-*. Огубление гласных, в том числе *ы*, под влиянием соседних губных согласных уже отмечалось для чувашских говоров, см. хотя бы [Савельев 2013а: 66].

Корреляция между *x-* и огубленностью соседних гласных, насколько известно, в чувашской диалектологии до сих пор не отмечалась. Однако для подобного явления существуют определенные типологические предпосылки. Известно, что лабиовелярные согласные типа *x^w* более распространены в языках мира, чем, к примеру, лабиодентальные. В качестве параллели к чувашскому развитию можно привести ‘правило *guki*’, имевшее место в истории славянских языков, которое описывает переход ПИЕ **s* > *x* (в том числе после огубленного **u*). В абрыскинском говоре контекст типа *xy^o* появляется и генерализуется в результате совпадения исторических последовательностей ‘*xy-* и ‘*xy^o*’ через ступень *x^wı-*.

1.1.4 В следующих случаях огубленный гласный в абрыскинском можно интерпретировать и как отражение пратюркской огубленности, и как результат вторичной лаби-

ализации. Из-за ограниченности материала других тюркских языков здесь не удается однозначно реконструировать *a или *â:

абр. *puràt* 3sg. 'идти' ~ станд.-тюрк. *bär-, як. *bar-*, тув. *bar-* id., но ср. др.-тюрк. причастие *bar-ur* со вторым огубленным гласным, который может указывать на исторически огубленный в первом слоге;

абр. *pul*, *pŷl̥* 3sg. 'мед' (ср. верх. *pul*) ~ станд.-тюрк. *bāl, огуз. *bāl id. Скорее следует реконструировать *a с учетом ностратических параллелей: урал. *majdл, дравид. *maṭṭ-/ *miṭṭ- (< *majṭ-) id.;

абр. *pulʒəg'ə* 3sg. 'грязь' (ср. верх. *pulʒək*) ~ станд.-тюрк. *bal-gaš 'грязь, болото', як. *biliŋ* 'грязь на дороге', тув. *malgaš* 'грязь'. Якутский рефлекс может отражать не только ПТ *a, но и *â, так как в якутском происходил вторичный переход a > i в позиции перед палатальным (в чувашском он отразился как -ǰ-).

1.2 Огубленный 'и'

1.2.1 В абрыскинском говоре слабо огубленный 'и' (далее *i̇*) с вариантами в части случаев отражает пратюркский огубленный *e°, который реконструируется на базе особых рефлексов в чувашском и отчасти в огузских языках [Мудрак 1993: 94–96].

По своим соответствиям ПТ *e° отличается от *e, восстанавливаемого на базе соответствия станд.-тюрк. e ~ чув. i ~ як. i/ī и особых рефлексов в огузском. В чувашском языке ПТ *e° дает *ü*, но *ə* перед носовыми (и *ɔ*, если гласному при этом предшествует k-, то есть аналогично *ö). В большинстве чувашских говоров единственный синхронно неогубленный рефлекс *e° появляется в позиции перед -l-: в этом случае происходит переход старого *e° в *i*. Именно для этой позиции оказываются новыми данные абрыскинского говора, где на месте пратюркского огубленного отмечается *i̇*. Ср. отражения ПТ *e и e° в абрыскинском.

Рефлексы ПТ *e:

абр. *ir'* 'рано', *ir'* 'мять', *ir'k* 'свобода', *ir't* 'пройти', *ijg'ə*, *ig'ə* 'два', *il't* 'слышать', *k'il*, *an-g'il* neg. imp. 'прийти', *k'iin'*, *k'in'ə* 3sg. 'невестка', -g'irlə 'нужно', *m'imə* 'мозг', *p'il'ək* 'поясница', *p'is̄* 'охладеть (к кому-либо)', iter. *s'ik'elèt* 3sg. 'прыгать', *s'irb'ətsè* conv. 'расплескаться', *s'iləm* 'клей', *s'il̥* 3sg. 'вымя', *sim'əzə* ~ *sim'izə* 3sg. 'плод', *sir'əmr'è* loc. 'двадцать', *šit* 'достичь', *t'imər'*, *timr'i* 3sg. 'железо', *t'ir'* 'шкура', *t'ir'ək* 'тополь', *t'islək* 'навоз', *tj̥r'* 'болезнь', -žər 'земля' (со вторичным сокращением

гласного), *jəñer'* 'седло', *jer'm'è* inf. 'приставить' (особые рефлексy для анлаутной позиции).

Рефлексы ПТ *e° в позиции перед -l-:

абр. *p'il̥ək* ~ *p'ül̥ək* 'пять', *t'il̥'eb'è* 'возжи'. Вероятно, пратюркский *e° следует восстанавливать и для абр. *k'im'ə* 'лодка', ср. тат. диал. *köjme*, башк. *keme* id. Отсутствие ожидаемой огубленности в абр. *t'yl̥ər* 'беситься' может указывать на прямое заимствование из татарского отыменного глагола становления *tiler-*.

Ср. огубленные рефлексy ПТ *e° в остальных позициях, отражаемые как огубленные и по другим чувашским говорам:

абр. *püžə'ə* 3sg. 'грыжа' (< перс., иноязычный *ew* отражен подобно *e), *sür'ən'* 'рыжий', *t'üb'ən'è* dat. 'небо', *t'ün'zè* conv. 'опрокинуться', *üzər* 'пьяный', *öit* в *öit-pü* 'тело'; *ən'də* 'теперь', *kə'magà* 'печь', *šə'məl* 'легкий', *šə'mər* 'ломать, разрушать', *təv'è* 'верблюды'.

1.2.2 Как и в заднем ряду, переднерядный *i* (фонологически *i* < ПТ *e) вторично лабиализуется в позиции после p- и в позиции перед -v-:

абр. *k'iv'žəñè* 'долг', *an-d'iv'* neg. imp., -d'yv' ~ -d'uv' 'касаться, трогать', *p'ur'* ~ *p'ir'* 'холст'.

Вторичное огубление *i* рядом с губным согласным в абрыскинском говоре происходит не вполне последовательно, ср. неогубленное отражение в *p'il'ək* 'поясница'. Кроме того, по-видимому, позиционная лабиализация *i*, в отличие от *ы*, не охватывает случаи перед -m-, ср. приведенные выше *m'imə* 'мозг', *sim'əzə* ~ *sim'izə* 3sg. 'плод', *t'imər'*, *timr'i* 3sg. 'железо', а также *k'im'əl'* 'убывать'. Впрочем, последнее слово сами носители осознают как заимствование из татарского.

Единственный пример на контекст *xī̇*, ставший результатом вторичной лабиализации, — абр. *x'ir'* 'поле'. Чувашское слово сравнивают с монг. *keher* 'поле, степь', но фонетически такое сопоставление небезупречно.

2. Ситуация в тюрясевском говоре

2.1 Огубленный 'ы'

В говоре села Тюрясево (расположено в 10 километрах от Абрыскино) огубленные гласные типа *ы̇* носят явно вторичный характер, так как рефлексy ПТ *â и *a совпали здесь в неогубленном *ы*.

Рефлексы ПТ *а:

тюрн. *jysnā*, *jisnā* 'зять', *syvlyχlā* 'здоровый', *syvalzə* pret. 3sg. 'выздороветь', *syn* 'человек', *sypsənzə* pret. 3sg., *sybəsrsəs* pret. 3pl. 'прилипнуть', *šyrān* 'обрыв', *səys-* 'испражняться', *syvləx* 'грех', *t iya* 'жеребенок', *tytār* 'корень', *tyna* 'телка', *tyrā* ~ *tyr* 'хлеба', *xybār* 'весть', *xyr'əs* 'напротив', *xyd* 'твердый', *il* 'брат', *ilyanāt* ~ *ilyanāt* 3sg. 'проклинать', *yl'tən* 'золото', *yrā* 'добрый', *ir't mēle* deb. 'перебирать ягоды', *yt* ~ *yt* 'спросить', *yl'bdarbr* 1pl. 'кидать, бросать'.

Рефлексы *ā:

тюрн. *syb* 'звено, сустав', *syrap* 1sg. 'обмотать (портянки)', *syza* conv. 'роиться', *šyr-*, *šyrāp* 1sg. 'писать', *šiz'əm* ~ *šiz'əm* 'молния', *šyūχ* 'близкий', *vyz* 'голодный', *xypr'ə* pret. 3sg. 'разгораться', *xyrat* 3sg. 'скоблить', *xystā* 'пенка на молоке', *xyrat*, *xyrat* ~ *xyrāt* 'живот', *yrādāt* 3sg. 'болеть', *əne-yrri* 3sg. 'молозиво'.

Ср. огубленные отражения ПТ *ā (как и в других чувашских диалектах) в позициях перед носовыми, *l, *rt, *rd: тюрн. *ɚnɚr* sag. 'сознание', *xr'təš* 'камыш', *χol'n* 'толстый', *sula* 'лизать', *švrda* 'свеча', *tvrdāššə* 3pl. 'тянуть'.

Лабиялизация *ы* (< ПТ *а, *ā) в тюрнясевском происходит, как и в Абыркино, в позиции после *p*- и непоследовательно (под влиянием соседних говоров?) после *x*-:

тюрн. *pyl* ~ *pvl* 'мед', *pyldək* ~ *pvlzək* (*pyl'zək*) 'грязь', *pyrap* (~ *pl'rap*?) 1sg. 'идти', *pyr'z* 'кишки', *pvrzək* ~ *pyzək* 'большой'; *xyr* ~ *xor*?, *xyr* 'сосна', *xyzap* (*xy'zap*?) 1sg. 'чесать', но ср. приведенные выше *xybār* 'весть', *xyr'əs* 'напротив', *xyrat* 3sg. 'скоблить', *xystā* 'пенка на молоке' и т. п.

[К тюрнясевской системе примыкает ситуация в говоре деревни Санарпоси Вурнарского района Чувашии (материал собран и частично расписан в июле 2013 года). В этом говоре низового типа пратюркские *ā и *а также совпали в неогубленном *ы*, но после *p*- и *x*- происходит автоматическая лабализация: санр. *pyzəkkl*, *pyzək* ~ *pyzək* 'большой', *xy'zat* ~ *xy'zat* 3sg., *xy'stā* ~ *xy'stā* inf. 'чесать', *pyr'z*, *py'z* 'кишки'.]

2.2 Огубленный 'и'

Огубленные гласные типа *ɨ* в тюрнясевском говоре также бывают только вторичными, так как отражения ПТ *e и *e̞ совпали здесь в неогубленном *i*.

Рефлексы *e:

тюрн. *ik'ə* 'два', *il'f'r'əm* pret. 1sg. 'слышать', *ir* 'рано', *ir't rə* pret. 3sg. 'пройти', *k'yl* 'прийти', *k'in*, *k'in* 'невестка', *s'yg'ət* 3sg. 'прыгать', *sir'b'ət* 'орошать', *syli* 3sg. 'вымя', *šim'əs* 'плод', *šir'əm* ~ *šir'əm* 'двадцать', *šir'əm'ər* pret. 1pl. 'достичь', *t'ir* 'шкура', *tir'leñə* p.part. 'болеть', *šər* 'земля' (со вторичным сокращением гласного), *jerzə* pret. 3sg. 'приставать' (особый рефлекс в анлаутной позиции).

Рефлекс *e̞ в позиции перед *-l-* представлен в тюрн. *t'ylg'eb'è* 'вожжи'. Ср. огубленные рефлексы *e̞ в нейтральной позиции: *t'uin'zə* pret. 3sg. 'опрокинуться', *t'ub'è* 'небо', *üzər* ~ *üsər* 'пьяный', *üt* 'тело'.

В следующих основах с ПТ *e, *e̞ тюрн. *i* получает огубленность под влиянием предшествующего *p*- или последующих *-v*- и *-m*-:

тюрн. *k'ym'ə* ~ *k'ym'ə* 'лодка', *k'vzèn* ~ *k'vzèn* 'долг', *m'immi* 3sg. 'мозг', *p'ilək* 'поясница', *p'uir* 'холст', *p'iz'ep* 1sg. 'охладеть (к кому-либо)', *t'im'ər* 'железо', *and'iv* neg. imp. 'трогать, касаться', ср. также контекст после *x*-: тюрн. *x'yr*, *x'yr'de* ~ *xuir'de* loc. 'поле'.

В следующих основах в тюрнясевском также представлены огубленные рефлексы: тюрн. *ir'əlet* 3sg. 'таять', *ir'ək* ~ *ir'ək* 'свобода', *k'yr'l'ə* ~ *k'yr'l'ə* 'нужно'. В абыркинском в первом слове отмечается огубленный: абр. *ir'əl'ət* ~ *ir'əl'ət* 3sg. 'таять', в остальных словах — неогубленные рефлексы. На основании внешних данных в этих словах реконструируется *e, так что, по-видимому, имела место вторичная лабализация (в позиции перед *-r*?). Параллелью может служить чувашское развитие *i в позиции перед *-r-*, которое как бы отражает сочетание *uw*. В прочих тюрнясевских основах с *e в позиции перед *-r-* представлен неогубленный гласный: тюрн. *šir'əm* ~ *šir'əm* 'двадцать', *tir'leñə* p.part. 'болеть' (отсутствие огубленности в любом случае ожидаемо в позиции после палатального), а также *ir* 'мять', *ir't rə* pret. 3sg. 'пройти', *sir'b'ət* 'орошать', *t'ir* 'шкура'.

С другой стороны, соответствием чув. *kirlə* 'нужно' является башк. *kerek* id. Здесь *e* отражает поволжско-кыпчакский *e̞*, в части случаев этимологический, а в части — вторичный в позиции перед последующим губным согласным или огубленным гласным. Возможно, уже в пратюркском для этого слова существовал вариант с огубленным в первом слоге.

3. Архаичные отражения прочих огубленных в чувашских говорах

3.1 В чувашском языке отмечается архаичное отражение ПТ **u* как *ы*, например, в слове **tūt*- ‘держать’ ~ чув. *тыт*- id. Пратюркский гласный дает здесь удлинённый рефлекс перед дентальным. Оказалось, что в абрыскинском и в санарпосинском (!) говорах гласный отражает пратюркскую огубленность: абр. *tūt*- ‘держать’, санр. *тытма* inf. id., med. *тытдънза* conv. ‘начинаться’. В тюряшевском записана форма с неогубленным гласным *ty, t*. ПТ **u* представлен также в чув. *ыжуь* ‘сон’, ср. огубленные рефлексы в абр. *шъуь* ~ *ыжуь* ‘сон’, тюрн. *φјуφ* ~ *дјуφ* ‘сон’.

В следующих случаях формально отражаются рефлексы пратюркских огубленных, но огубленность в нурлатских говорах, наиболее последовательную в абрыскинском, можно считать и вторичной (под влиянием инлаутного -*v*):

ПТ **ōj*: чув. *сивə* ‘холодный’, но абр. *сiv’ə* ~ *сiv’ə*, тюрн. *s’iy’ə* id.,

ПТ **ōj*: чув. *сивла-* ‘дышать’, но абр. *-ziuvlā, svi’vlā* id.,

ПТ **ōy*: чув. *ивл* ‘сын’, но абр. *ы’v’l* ~ *ив’l* id.,

ПТ **ō*: чув. *хив-* ‘снимать’, но абр. *хы’и* id.

3.2 При соответствии чув. *i* ~ станд.-тюрк. *ii* принято восстанавливать пратюркский дифтонг **ii*. В этих случаях часто отмечается внутритюркское колебание *ii* ~ *i*, а в чувашском не бывает исторической палатализации дентальных, как перед **i*, **i* [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2006: 223].

В абрыскинском и, менее последова-

тельно, в тюряшевском говоре на месте пратюркского дифтонга отмечается огубленный *i* с вариантами, ср.:

чув. *kil* (в диалектах встречается и *küil*) ‘дом, домашний очаг’ ~ огуз. **kil*, аз. *kil*, тур. *kil*, но як. *küle, küle* id. при абр. *k’ild’è* loc., *k’iln’è* 3sg. dat., тюрн. *k’yl’d’è* loc. id.;

чув. *sir-* ‘отводить, рассеивать’ ~ станд.-тюрк. **sür-* ‘гнать, прогонять’, ткм. *sür-* id. при абр. *s’ur’zè* conv., тюрн. *s’yr’z’è* conv. id.;

чув. *tilə* ‘лиса’ ~ тюрк. **tülki*/**tilki*, ткм. *tilki*, тув. *dilgi*, но хак. *tülgü*, кир. *tülkü*, алт. *tülkü* id. при абр. *tili* ~ *t’li* 3sg., тюрн. *t’ul’ə*, ср. также *t’il’ə* в санарпосинском говоре Вурнарского района;

чув. *tir-* ‘вдеть нитку, нанизывать’ ~ тюрк. **düz-*/**diz-*, як. *tis-*, тур. *diz-*, тат. *tez-*, но ткм. *düz-*, аз. *düz-* id. при тюрн. *t’yr’* id. (по абрыскинскому говору данных нет).

Дифтонг восстанавливается также для чув. *silə* ‘гнев’ ~ тюрк. **jül-* ‘сойти с ума’, алт. *zül-*, як. *sül(e)* ‘страсть, жар’. Отсутствие огубленности в абр. *šylə* ~ *silə*, тюрн. *sil’ə* id. закономерно, так как гласный здесь находится в позиции между двумя палатальными.

[По всей видимости, пратюркский дифтонг с огубленным гласным следует восстанавливать и для чув. *sis-* ‘чувствовать’. В Словаре П. С. Палласа (1787–1789 гг.) данное слово записано как *сюзядубь*, где *ю [ü]* может быть отражением огубленного *i*. Реконструкции **e°* в этом случае препятствует сохранение *s-* (ожидалась бы палатализация в *š-*, как перед **e*.)]

Основные источники огубленных ‘ы’ и ‘и’ в нурлатских говорах можно представить в виде таблицы.

Таблица 1. Источники огубленных ‘ы’ и ‘и’ в нурлатских говорах чувашского языка

	абр.	тюрн.
огубленный ‘ы’ (<i>ы’ / ш / ү</i>)	ПТ * <i>ā</i> ПТ * <i>a</i> в позиции рядом с губными и после <i>x-</i> ПТ * <i>u</i> ПТ * <i>o</i> (?)	ПТ * <i>ā</i> в позиции рядом с губными ПТ * <i>a</i> в позиции рядом с губными и (редко) после <i>x-</i>
огубленный ‘и’ (<i>ĭ’ / ш / ү / φ</i>)	ПТ * <i>e°</i> ПТ * <i>e</i> в позиции рядом с губными ПТ * <i>o</i> (?) ПТ * <i>ii</i>	ПТ * <i>e°</i> в позиции рядом с губными ПТ * <i>e</i> в позиции рядом с губными ПТ * <i>o</i> (?) ПТ * <i>ii</i> (непоследовательно)

К транскрипции. В настоящей статье диалектный материал подается в записи, позволяющей отметить максимальное число фонетических характеристик звука. При записи вокализма использовалась следующая

транскрипция, разработанная и использованная при экспедиционных записях западно-украинских, русинских и русских диалектов, а также для полевых записей диалектов тюркских языков.

Таблица 2. Фонетическая транскрипция, использованная при записи диалектного материала

ряд \ подъем	передний	передне-средний	средний	средне-задний	задний
верхний	i	i ü	y ш	ы ʊ	u
верхне-средний	e	ə ö	ь ø	ʌ ɹ	o
средний	e	ə ö	ь ø	ʌ ɹ	o
средне-нижний	ɛ	æ œ	a	ɑ	ɔ
нижний	ä	æ	a	ɑ	

Кроме того, используется знак слабой огубленности $\overset{\circ}{\text{}}$ (например, $\overset{\circ}{y}$). Точка над гласным (например, $\overset{\circ}{u}$) обозначает незначительное упереднение артикуляции, часто это добавочный подъем средней части языка. Ударение ставится при помощи грависа ($\grave{\text{}}$), так как знак акута ($\acute{\text{}}$) во многих системах записи используется для обозначения палатального характера согласного. Надстрочная точка справа от согласного (например, t^{\cdot}) указывает на его полумягкое произношение. Подстрочной перевернутой дужкой (например, v^{\cdot}) отмечается ослабленная артикуляция согласного.

Список условных сокращений

абр. — чувашский говор деревни Абрьскино Нурлатского района Республики Татарстан; аз. — азербайджанский язык; алт. — алтайский (ойротский) язык; араб. — арабский язык; башк. — башкирский язык; дравид. — прадравидийский язык; др.-тюрк. — древнетюркский язык; кирг.

— киргизский язык; монг. — язык монгольской группы; огуз. — язык огузской группы; осет. — осетинский язык; перс. — персидский язык; ПИЕ — праиндоевропейский язык; ПТ — пратюркский язык; санр. — чувашский говор деревни Санарпоси Вурнарского района Чувашской Республики; станд.-тюрк. — стандартно-тюркский праязык; тат. — татарский язык; ткм. — туркменский язык; тоф. — тофаларский язык; тув. — тувинский язык; тур. — турецкий язык; тюрк. — тюркские языки; тюрн. — чувашский говор села Тюрясево Нурлатского района Республики Татарстан; урал. — прауральский язык; хак. — хакасский язык; чув. — чувашский язык; як. — якутский язык; conv. — конверб; dat. — дательный падеж; imp. — императив; iter. — итератив; loc. — локатив; med. — медиальный залог; neg. — отрицательная форма; nom. — номинализатор; pl. — множественное число; p.part. — перфектное причастие; pret. — прошедшее время; sg. — единственное число; 1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо.

Литература

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 657 с.
 Мудрак О. А. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации / РАН. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1993. 185 с.
 Савельев А. В. Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа // Урало-алтайские исследования. 2013. № 1 (8). С. 34–54.
 Савельев А. В. Фонетические особенности низового диалекта чувашского языка (по данным

говоров Нурлатского района Татарстана) // Мат-лы XIII Междунар. конф. «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 105–111.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / отв. ред. Тенишев Э. Р. М.: Наука, 2002. 768 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М.: Наука, 2006. 912 с.

References

[Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Regional Reconstruction]. E. R. Tenishev (ed.). Moscow: Nauka, 2002. 768 p. (In Russ.)
 [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages: Pra-Turkic Proto Language. Picture of the World of the Pra-Turkic Ethnos Based on the Language Data]. E. R. Tenishev, A. V. Dybo (ed.). Moscow: Nauka, 2006. 912 p. (In Russ.)
 Abayev V. I. [Historical-Ethymological Dictionary of the Ossetian Language]. Vol. I. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1958. 657 p. (In Russ.)

Mudrak O. A. [Historical Conformities of Chuvash and Turkic Vowels: Experience of Reconstruction and Interpretation]. Moscow: Nauka, 1993. 185 p. (In Russ.)
 Saveliev A. V. [Phonetic Features of the Chuvash Dialect (Based on the Subdialects of the Nurlatsky District of Tatarstan)]. In: [Actual Problems of Dialectology of Languages of the Peoples of Russia]. Conf. proc. Ufa: Institute of History, Language and Literature at Ufa Scientific Center of the RAS, 2013. Pp. 105–111. (In Russ.)
 Saveliev A. V. [Reflection of Vocalism of Chuvash Dialects in the “Comparative Dictionary” by P. S. Pallas]. *Ural-Altai Studies*. 2013. № 1 (8). Pp. 34–54. (In Russ.)